
2007110069

Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Статистическій сборникъ изъ 25 картъ съ краткимъ объясненіемъ. Составленъ по оффиціальнымъ даннымъ подъ редакціей генералъ-маіора *Д. Г. Анучина*. Радомъ 1875.

По какому бы вопросу, касающемуся привислинской окраины Россіи, ни зашла рѣчь, не только русскому обществу, но и русскимъ ученымъ и публицистамъ приходится въ большинствѣ случаевъ становиться въ недоумѣніе, вслѣдствіе крайней бѣдности статистическихъ данныхъ, служащихъ къ характеристикѣ той или другой стороны общественной жизни ея. Отдѣленная отъ остальной Россіи даже и послѣ 1830 г. самостоятельнымъ законодательствомъ, особыми судебными и административными учрежденіями съ дѣлопроизводствомъ на мѣстномъ языкѣ, связанная съ Имперіей только общей государственной властью и незначительнымъ количествомъ лицъ русскаго происхожденія, поставленныхъ во главѣ немногихъ высшихъ государственныхъ постовъ, эта окраина до самаго послѣдняго времени жила совершенно изолированной умственной жизнію отъ остальной Россіи, мало интересуясь тѣмъ, что дѣлается и пишется въ послѣдней. Странно сказать, въ то время какъ изученіе французскаго и нѣмецкаго языка всегда считалось необходимой принадлежностью образованія высшихъ классовъ польскаго общества, незнаніе послѣдними русскаго языка и преднамѣренное игнорированіе всего, что пишется въ русской

литературѣ, всегда составляло и, къ сожалѣнію, продолжаетъ составлять предметъ гордости его. При такой изолированности мѣстной жизни Привислинскаго края тѣмъ менѣе, конечно, имѣло основанія русское общество обращать вниманіе на мѣстные интересы и литературу этого края, недоступную для него по языку.

Только съ появленіемъ чисто русской администраціи въ Царствѣ Польскомъ, съ Н. А. Милютинымъ во главѣ, въ китайской стѣнѣ, отдѣлявшей интелигентную Росссію отъ Царства Польскаго, была пробита—и то не поляками, а русскими же—первая сколько нибудь значительная брешь. Прежде чѣмъ приступать къ радикальному преобразованію всѣхъ прежнихъ средневѣковыхъ основъ общественнаго и экономическаго быта губерній Царства Польскаго, онъ отнесся глубоко и всесторонне къ изученію мѣстной общественной жизни и условій ея развитія. Каждый изъ проэктовъ преобразованія, начертанныхъ имъ въ видѣ докладныхъ записокъ, есть результатъ обширнаго и добросовѣстнаго изученія предмета. Остается только пожалѣть, что до настоящаго времени этотъ первый богатый вкладъ въ русскую ученую литературу по изученію нашей Привислинской окраины остается до сихъ поръ подъ спудомъ. Всѣ докладныя записки Н. А. Милютина, съ обширными историческими и статистическими приложеніями къ нимъ, были напечатаны въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и большинству читателей могутъ быть доступны отчасти развѣ только по тѣмъ краткимъ и отрывочнымъ даннымъ, которыя были извлечены изъ нихъ Шницлеромъ и вошли въ его многотомный трудъ L'Empire des Tsars. Если впослѣдствіи былъ перепечатанъ въ одномъ изъ русскихъ журналовъ одинъ изъ интереснѣйшихъ отрывковъ трудовъ Н. А. Милютина, то подъ неузнаваемымъ названіемъ и безъ имени автора.

Послѣ временно возбужденнаго политическими смутами 1862 года интереса въ русскомъ обществѣ къ ознакомленію съ нашей Привислинской окраиной, этотъ интересъ вскорѣ успѣлъ снова ослабѣть до такой степени, что даже столь замѣчательное и довольно обширное сочиненіе какъ книга Моллера „Situation de la Pologne au 1-er Janvier 1865“, знакомящая читателя, не смотря на всю скромность своего заглавія, очень обстоятельно съ общественнымъ бытомъ и всѣми отраслями администраціи въ Привислинскомъ краѣ за періодъ съ конца прошлаго столѣтія по годъ изданія ея,—осталось не только не переведеннымъ на русскій языкъ, но едва ли даже извѣстнымъ большинству русскихъ ученыхъ и публицистовъ. Тѣ немногіе изъ нихъ, какъ самъ авторъ этой книги, которые и послѣ прекращенія смутъ 1862 года продолжали интересоваться тѣмъ, что дѣлается въ губерніяхъ Царства Польскаго, заботились, повидимому, больше о томъ, чтобы защитить въ глазахъ иностранной интеллигенціи честь Россіи противъ самыхъ черныхъ клеветъ, взведенныхъ на нее заграничной прессой, чѣмъ о томъ, чтобы открыть глаза самимъ русскимъ на положеніе дѣлъ въ Привислинскомъ краѣ и великое культурное значеніе, предстоявшее Россіи по отношеніи къ нему, а въ настоящее время выполненное уже въ главныхъ основаніяхъ рядомъ благотворныхъ реформъ нынѣшняго царствованія.

Нельзя не порадоваться появленію труда ген. Апучина, дающаго возможность ознакомиться въ общихъ чертахъ съ послѣдствіями самой главной изъ этихъ

реформъ, съ реформой крестьянской въ Царствѣ Польскомъ, и не пожалѣть, что даже этотъ трудъ остался мало замѣченнымъ русской журналистикой. Въ послѣднемъ отчасти, впрочемъ, виноватъ самъ авторъ, сдѣлавъ изданіе свое слишкомъ роскошнымъ и вслѣдствіе этого по цѣнѣ недоступнымъ для большинства частныхъ лицъ. Къ описанію приложено 25 картъ довольно большихъ размѣровъ, что возвысило цѣну „Очерковъ" до 100 рублей за экземпляръ.

Задачей своихъ „Очерковъ" авторъ поставляетъ, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, „показать, насколько съ достопамятной эпохи обнародованія Высочайшихъ указовъ отъ 19 февраля 1864 года окрѣпло гминное устройство и чѣмъ именно выразилось благосостояніе крестьянъ". Для выполненія этой задачи, онъ собралъ довольно обширный статистическій матеріалъ, освѣтивъ его соотвѣтственными историческими и законодательными комментаріями. Послѣдствія упомянутыхъ указовъ оказываются несомнѣнно въ высшей степени благотворными.

Прежнее гминное устройство сельскаго населенія, существовавшее до 1864 года, не только не давало ни малѣйшей самостоятельности послѣднему въ попеченіи о своихъ нуждахъ, но лишало его всякой возможности достигать благосостоянія. Гмину составляло всякое помѣстье, въ которомъ было какихъ нибудь 10 дворовъ, и главой такой гмины, подъ названіемъ гминнаго войта, былъ помѣщикъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась безконтрольно власть административная, полицейская и судебная, переходившая вмѣстѣ съ имѣніемъ отъ одного лица къ другому путемъ купли, продажи, даренія, аренды и проч. Указомъ 19 февраля эта власть переходитъ къ мірскому началу, къ громадѣ, избирающей себѣ свободно гминныхъ войтовъ и подчиняющей ихъ дѣятельность своему контролю. Этотъ указъ закрѣпилъ устройство гмины какъ основной единицы земскихъ учрежденій въ характерѣ всесословной волости. Уже въ 1859 году было предписано, чтобы гмины были не менѣе какъ изъ 50 дворовъ, такъ что образовалось всего только 3083 гмины; къ 1873 году это число было уменьшено до 1,313 гминъ для удовлетворенія потребностей чисто общественной администраціи, а не интересовъ частныхъ, помѣщичьихъ, какъ было до тѣхъ поръ. Средняя величина гминъ въ губерніяхъ Царства Польскаго составилась съ населеніемъ свыше 4,000 душъ обоего пола и съ пространствомъ около 14,000 морговъ или 7,000 десятинъ на каждую.

Вслѣдствіе такого соединенія множества мелкихъ гминъ въ немногія крупныя административныя единицы, послѣднія стали располагать довольно значительными средствами для удовлетворенія разнообразныхъ общественныхъ потребностей и къ 1874 году гминные сборы составили довольно крупную ежегодную цифру свыше $2^1/_2$ милліоновъ рублей. Эти средства не могли бы дойти до столь значительной цифры, вслѣдствіе одного только соединенія мелкихъ административныхъ единицъ въ крупныя, если бы въ тоже время не сдѣлало необыкновенно быстрыхъ успѣховъ благосостояніе большинства сельскаго населенія, какъ вслѣдствіе представленія ему гминнаго самоуправленія, гарантирующаго безопасность личности и собственности противъ произвола гминныхъ войтовъ-помѣщиковъ, такъ еще болѣе вслѣдствіе надѣла крестьянъ землею въ собственность. Крестьяне

получили не только въ надѣлъ всю ту землю, которою они пользовались во время провозглашенія указа 19 февраля, но и всю ту, которая незаконно была отобрана отъ нихъ помѣщиками за весь періодъ отъ 1846 года и присоединена къ фольваркамъ. Кромѣ того изъ казенныхъ и подуховныхъ имѣній были розданы земли въ надѣлъ безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ. Всего увеличилось крестьянское землевладѣніе противъ 1864 года на 266,993 усадьбы съ пространствомъ въ 1,916,355 морговъ, такъ что число крестьянскихъ усадьбъ достигло 694,747 съ пространствомъ въ 8,698,134 морга. Выкупы были совершены на самыхъ льготныхъ для крестьянъ основаніяхъ, такъ какъ въ Царствѣ Польскомъ, съ одной стороны, выкупалась не земля, а повинности, отбывавшіяся крестьянами за землю, остававшіяся съ давнихъ поръ безъ измѣненія, а съ другой, самая выкупная сумма покрывается не однимъ выкупнымъ платежемъ крестьянъ, вошедшимъ въ составъ поземельнаго крестьянскаго налога, но и изъ средствъ самого правительства по Царству Польскому. Какъ быстро стало большинство крестьянскаго населенія выходить изъ прежней нищеты, можно отчасти видѣть изъ одного того уже факта, приводимаго ген. Анучинымъ, что крестьяне въ 11-ти-лѣтній періодъ, протекшій послѣ 1864 года, успѣли пріобрѣсть покупкою отъ помѣщиковъ 7164 уволоки, т. е. свыше 107,000 десятинъ. Если принять цѣнность уволоки земли среднимъ числомъ въ 1000 руб., то общая цѣнность пріобрѣтенныхъ крестьянами 7,164 уволокъ достигнетъ огромной цифры 7,164,000 руб., по вычисленію ген. Анучина. Въ тотъ же періодъ сельское населеніе открыло у себя 1,242 новыхъ начальныхъ школъ большею частью на свой собственный счетъ путемъ постановленій даже не гминныхъ сходовъ, а приговоровъ отдѣльныхъ селъ, входящихъ въ составъ гминъ. Этому факту слѣдуетъ придавать тѣмъ большее значеніе, что сельскія школы содержатся преимущественно на счетъ одного только крестьянскаго населенія, такъ какъ помѣщики нашли возможность избѣгать устройства гминныхъ школъ, т. е. земскихъ для всего сельскаго населенія, а въ томъ числѣ и для безземельныхъ рабочихъ, живущихъ въ дворскихъ имѣніяхъ, какъ видно изъ отчетной записки Министра Внутреннихъ Дѣлъ о ходѣ гминнаго сельскаго управленія за 1873 годъ (стр. 7-я). Изъ „Очерковъ" ген. Анучина, къ сожалѣнію, не видно, какъ велико именно число школъ, устроенныхъ на средства цѣлыхъ гминъ, т. е. школъ земскихъ, и на средства преимущественно крестьянскаго населенія, т. е. чисто сельскихъ школъ; но видно что изъ всей суммы 366,000 руб., издержанныхъ въ 1872 году всѣми начальными училищами, давалось правительствомъ бѣднѣйшимъ сельскимъ обществамъ вспомоществованія только 68,000 руб. Въ трудѣ ген. Анучина есть подробныя статистическія данныя о числѣ начальныхъ сельскихъ училищъ и учащихся въ нихъ за всѣ годы отъ 1864 по 1872 годъ включительно. Изъ нихъ видно, что въ 1864 году всѣхъ начальныхъ сельскихъ школъ было въ Царствѣ Польскомъ только 848 съ числомъ учащихся въ 47,551, а въ 1872 году число школъ возрасло до 2090, слѣдовательно на 146%; число учащихся увеличилось до 110,551, что составитъ 132%. Для 8-лѣтняго періода эта быстрота неимовѣрно большая. „Цифры эти самымъ

краснорѣчивымъ образомъ показываютъ, замѣчаетъ справедливо авторъ, что мѣстная интеллигенція, такъ высоко ставившая свои псевдонародные интересы, весьма мало заботилась объ образованіи сельскихъ жителей".

Успѣхи, сдѣланные народнымъ образованіемъ въ селахъ послѣ 1864 года, тѣмъ замѣчательнѣе, что въ это время во главѣ гминной администраціи поставлены были большею частью люди простые, малограмотные, а нерѣдко даже и совсѣмъ неграмотные. Въ 1870 году грамотные войты составляли всего только 60% всего числа войтовъ; къ 1874 году эта пропорція возрасла до 66%. Между лавниками, входящими въ составъ гминной администраціи и судовъ наравнѣ съ войтами, грамотность была еще менѣе распространена. Грамотные лавники составляли только 40% всего числа лавниковъ. Большая часть войтовъ и лавниковъ были изъ крестьянъ; войты изъ шляхты составляли не болѣе 14% всего числа войтовъ, а лавниковъ изъ шляхты было еще того менѣе: около $6\frac{1}{2}$%.

Не менѣе быстрыхъ успѣховъ народнаго образованія послѣ 1864 года бросаются въ глаза успѣхи въ развитіи учрежденій краткосрочнаго сельско-хозяйственнаго кредита, играющихъ столь важную роль въ дѣлѣ благосостоянія крестьянъ. Ссудо-сберегательныя кассы, выдающія ссуды до 100 руб. подъ залогъ недвижимой собственности и до 15 руб. подъ поручительство, стали открываться съ 1869 года по иниціативѣ правительства и на его средства. Въ каждомъ уѣздѣ было открыто по двѣ такихъ кассы. Но съ 1870 г. такія же кассы начали открываться и по приговорамъ гминъ, селеній и посадовъ на ихъ собственныя средства. Въ четырехлѣтіе отъ 1870 по 1873 годъ включительно было открыто сельскимъ народонаселеніемъ на собственныя средства 209 ссудосберегательныхъ кассъ, деньги которыхъ постоянно разобраны и уплаты дѣлаются довольно удовлетворительно. Къ сожалѣнію, эти кассы были учреждены по примѣру волостныхъ кассъ удѣльнаго вѣдомства въ Имперіи и потому имѣютъ большую часть ихъ недостатковъ.

Въ очеркахъ ген. Анучина помѣщены также подробныя свѣдѣнія о размѣрѣ крестьянскихъ усадьбъ отдѣльно для селеній бывшихъ казенныхъ, частныхъ и для посадовъ для каждой губерніи особо, о распредѣленіи крестьянскихъ земель по угодьямъ, о стоимости крестьянскихъ строеній, о величинѣ уплачиваемыхъ крестьянами казенныхъ окладныхъ податей и спеціальныхъ сборовъ по каждому виду ихъ, о количествѣ гминныхъ сборовъ и расходовъ съ вычисленіемъ сколько приходится съ морга земли и съ души всѣхъ казенныхъ и гминныхъ платежей, о количествѣ скота у крестьянъ въ различныхъ губерніяхъ, о сервитутахъ, которыми пользуются крестьяне на земляхъ помѣщичьихъ, и другія въ высшей степени интересныя свѣдѣнія для характеристики современнаго экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Въ своемъ цѣльномъ видѣ и систематическомъ порядкѣ эти свѣдѣнія большею частью обнародуются въ первый разъ. Но именно вслѣдствіе этой новизны въ обработкѣ столь обширнаго статистическаго матеріала, имъ недостаетъ во многихъ случаяхъ достаточной полноты и законченности. Такъ, большая часть только что перечисленныхъ нами свѣдѣній приводится въ „Очеркахъ" только за послѣдній 1873 годъ безъ сравнительнаго сопоставленія съ данными за предшествующіе періоды, что лишаетъ читателя возможности судить о томъ,

на сколько быстро двинулось впередъ послѣ реформъ 1864 года благосостояніе крестьянъ въ каждомъ изъ этихъ отдѣльно взятыхъ отношеній. Такой пропускъ не представлялъ бы особыхъ неудобствъ въ странахъ богатыхъ статистической литературой, гдѣ достаточно сообщить новѣйшія только статистическія данныя, чтобы каждый могъ легко уже самъ сопоставить ихъ съ соотвѣтственными данными за прежніе періоды. Статистика же Царства Польскаго есть почти непочатая почва для научныхъ изслѣдованій; поэтому, какого вопроса ни касались бы вновь сообщаемыя статистическія данныя, изслѣдователь долженъ, по возможности, представлять соотвѣтственныя статистическія данныя и за прежніе періоды, хотя и собиравшіяся офиціальной статистикой, но помѣщенныя или въ малодоступныхъ для большинства читателей изданіяхъ, или даже въ совсѣмъ необнародованныхъ писанныхъ отчетахъ, хранящихся въ архивахъ. Понятно, что на разысканіе этихъ данныхъ потребовалось бы значительное время, что заставило бы автора отложить на неопредѣленный срокъ обнародованіе интересныхъ самихъ по себѣ свѣдѣній, за которыя нельзя не поблагодарить его, особенно въ виду крайней неразработанности подобныхъ же данныхъ для большинства остальныхъ губерній Имперіи, не смотря на „Труды особой коммиссіи при Министерствѣ Госуд. Имуществъ, Высочайше назначенной для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи“ послѣ реформы 1862 года. Этимъ желаніемъ подѣлиться съ читателями возможно скорѣе результатами своихъ интересныхъ изслѣдованій о крестьянскомъ бытѣ въ Царствѣ Польскомъ слѣдуетъ объяснять и другіе пробѣлы въ трудѣ ген. Анучина, касающіеся характеристики этого быта и въ настоящее время. Къ такимъ пробѣламъ относится прежде всего неуказаніе числа безземельныхъ крестьянъ. По даннымъ, обнародованнымъ г. Вольскимъ въ 1859 году, число ихъ достигало довольно внушительной цифры 1,168,000 лицъ обоего пола. На сколько уменьшилась эта цифра въ настоящее время, изъ „Очерковъ“ ген. Анучина не видно. Въ этихъ „Очеркахъ“ говорится только, что роздано 42,344 семействамъ безземельныхъ крестьянъ 148,934 морга изъ казенныхъ и подуховныхъ имѣній, что составитъ само по себѣ довольно небольшое уменьшеніе общаго числа безземельныхъ крестьянъ, тѣмъ болѣе что надѣлы эти столь незначительны, что въ среднемъ выводѣ на семью приходится не болѣе $3^1/_2$ морга. Но такъ какъ кромѣ того было открыто довольно значительное количество усадьбъ опустѣвшихъ послѣ 1846 года, число коихъ вмѣстѣ съ надѣленными изъ казенныхъ и подуховныхъ имѣній простирается до 266,994 усадьбъ съ 1,916,355 моргами, то можно заключить, что въ дѣйствительности уменьшеніе было гораздо болѣе значительнымъ. Было бы излишнимъ распространяться на счетъ всей важности знанія степени размѣровъ земледѣльческаго пролетаріата, унаслѣдованнаго теперешнимъ Царствомъ Польскимъ отъ временъ нераціональнаго законодательства бывшаго Варшавскаго Герцогства, допустившаго освобожденіе крестьянъ безъ земли и предоставившаго помѣщикамъ право присоединить крестьянскую землю къ своимъ фольварочнымъ землямъ.

Не менѣе важный пробѣлъ въ данныхъ, обнародованныхъ ген. Анучинымъ для характеристики современнаго крестьянскаго быта, составляетъ отсутствіе въ нихъ свѣдѣній о распредѣленіи всего крестьянскаго населенія по

занятіямъ и заработкамъ. Было бы интересно знать количество крестьянъ, живущихъ заработной платой въ качествѣ земледѣльческихъ рабочихъ какъ годовыхъ, такъ и поденьщиковъ. Различие послѣднихъ двухъ категорій столь важно, что увеличеніемъ сельскихъ рабочихъ второй категоріи на счетъ уменьшенія первой въ Познани другихъ восточныхъ частяхъ Пруссіи въ послѣднее время объясняется главнымъ образомъ ухудшеніе благосостоянія сельскаго населенія, гонящее земледѣльцевъ изъ роднаго края въ Америку ежегодно цѣлыми тысячами. Вообще вопросъ о крестьянскомъ населеніи самомъ по себѣ въ различныхъ категоріяхъ его въ трудѣ ген. Анучина принадлежитъ къ наименѣе разработаннымъ. Онъ не указываетъ даже самой цифры крестьянскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ, а приводитъ цифру всего населенія гминъ, въ составъ котораго очевидно входятъ и лица некрестьянскаго сословія, какъ помѣщики, ихъ оффиціалисты и городскіе жители въ посадахъ, не имѣющіе права покупать крестьянскихъ земель. При неотдѣленіи въ „Очеркахъ" числа крестьянскаго населенія отъ некрестьянскаго трудно понять какимъ образомъ была вычислена въ нихъ средняя сумма всѣхъ казенныхъ и гминныхъ платежей, приходящихся въ среднемъ выводѣ на душу въ крестьянскомъ населеніи въ различныхъ губерніяхъ Царства Польскаго отъ 82 коп. съ души какъ minimum'a въ Ломжинской губерніи, до 1 руб. 50 коп. въ Сувалковской, какъ maximum'a.

При пропускѣ вопроса о распредѣленіи крестьянскаго населенія по виду заработковъ, естественно, что въ „Очеркахъ" совершенно опущенъ вопросъ и о высотѣ заработной платы въ губерніяхъ Царства Польскаго. Такъ какъ заработная плата остается главнымъ, а во многихъ случаяхъ даже единственнымъ источникомъ средствъ существованія для безземельнаго и малоземельнаго населенія, то понятно, на сколько важно опредѣлить уменьшился ли, и на сколько именно, этотъ источникъ въ сравненіи съ періодомъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, для котораго имѣются подробныя статистическія данныя въ мѣстной литературѣ. Если бы авторъ включилъ въ свои „Очерки" вопросъ о заработной платѣ, то, конечно, онъ коснулся бы и вопроса объ измѣненіи цѣнъ на хлѣбъ и другіе предметы первой необходимости въ сравненіи съ періодомъ, предшествующимъ реформѣ 1864 года, ибо отъ этихъ измѣненій зависитъ и величина дохода крестьянъ-собственниковъ и величина издержекъ содержанія семействъ безземельныхъ крестьянъ, живущихъ заработной платой.

Говоря о крестьянскомъ землевладѣніи, авторъ совершенно не касается вопроса о чрезполосности, въ которой находится довольно значительное количество крестьянскихъ земель въ губерніяхъ Царства Польскаго. Между тѣмъ этотъ вопросъ имѣетъ столь большую важность, что въ Галиціи напр. чрезмѣрно большая чрезполосность является одной изъ главныхъ причинъ столь сильнаго застоя въ развитіи сельскаго хозяйства, что въ длинный періодъ, протекшій отъ 1848 года по 1870 годъ, сельско-хозяйственная производительность этой провинціи не сдѣлала ни малѣйшаго шага впередъ.

Самое пространство территоріи гминъ въ Царствѣ Польскомъ едвали опредѣлено правильно въ „Очеркахъ". Оно показывается въ нихъ въ 18,170,991 морговъ или въ 1,824 квадратныхъ мили. Между тѣмъ какъ по топографическимъ изслѣдованіямъ, на основаніи которыхъ исчислено пространство Россіи полковникомъ Стрѣльбицкимъ, пространство всей территоріи

Царства Польскаго простирается до 2,312 кв. миль. Ген. Анучинъ находитъ пространство гминъ въ 1824 квадр. мили „весьма подходящимъ къ действительности, если принять во вниманіе, что въ немъ не показаны города, воды, публичныя сообщенія“ (см. стр. 5 пр. 2-е очерковъ). Но трудно согласиться съ авторомъ, чтобы почти 500 квадратныхъ миль могло находиться подъ городами, водами и путями сообщенія, тѣмъ болѣе, что крестьянскія земли подъ водами, строеніями, выгонами и неудобными пространствами въ 1,313,000 морговъ, внесены уже ген. Анучинымъ въ общее пространство 18,170,991 морга или 1,824 квадр. миль (см. стр. 19 „Очерковъ“). Авторъ сознаетъ самъ неточность приводимаго имъ пространства и объясняетъ ее тѣмъ, что „крестьянскія земли не всѣ сняты на планы и пространство помѣщичьихъ и другихъ земель, за отсутствіемъ плановъ, показано по мѣстнымъ свѣдѣніямъ“ (см. стр. 5, пр. 2). Остается пожалѣть, что авторъ не воспользовался болѣе точными свѣдѣніями о пространствѣ земли, именно тѣми, на основаніи которыхъ производится раскладка казенными палатами поземельнаго налога, соотвѣтственно не только пространству, но и качеству земель. Хотя свѣдѣнія эти были собраны посредствомъ заявленій землевладѣльцевъ, но съ указаніемъ на основаніи какихъ именно документовъ показано ими пространство земли и подъ угрозою взысканія довольно значительнаго штрафа за все количество утаенной земли. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти, равно какъ и собранныя при подобныхъ же условіяхъ подымной переписью, въ которой указано между прочимъ и пространство всей удобной и неудобной земли, за новѣйшее время не обнародуются и естественно остаются безъ надлежащей научной разработки. По этимъ свѣдѣніямъ въ Варшавской губерніи, для которой одной только мы имѣемъ подъ рукою новѣйшія данныя, всей земли въ гминахъ находится 2,405,990 морговъ, не считая неудобной земли въ посадахъ. Въ „Очеркахъ“ всей земли въ гминахъ Варшавской губерніи показано только 2,257,159 морговъ, т. е. на 148,831 моргъ менѣе. Если такая же неточность допущена авторомъ относительно пространства земли и по другимъ губерніямъ на основаніи тѣхъ мѣстныхъ источниковъ, которыми онъ располагалъ, то въ такомъ случаѣ пространство всѣхъ гминъ въ Царствѣ Польскомъ у него вышло менѣе почти на $1^1/_2$ милліона морговъ или около 700,000 десятинъ противъ опредѣляемаго болѣе вѣрными свѣдѣніями, на основаніи которыхъ распредѣляется поземельный окладный сборъ. Дѣйствительно, погрѣшность не можетъ быть менѣе этой цифры, если принять во вниманіе данныя о количествѣ дворскихъ и крестьянскихъ земель, обнародованныя въ 1866 и 1867 гг. бывшимъ финансовымъ управленіемъ края и коммиссіей для преобразованія окладныхъ податей въ Царствѣ Польскомъ, также количество казенныхъ лѣсовъ и пространство земель городовъ, вошедшихъ въ составъ гминъ при преобразованіи въ посады. Повидимому, мѣстными свѣдѣніями, на основаніи которыхъ было опредѣлено въ „Очеркахъ“ пространство гминъ, послужили тѣ данныя, которыя имѣются въ каждой гминѣ для раскладки гминныхъ сборовъ. Но эти свѣдѣнія относительно дворскихъ земель крайне неправильны, такъ какъ одно и тоже имѣніе входитъ нерѣдко въ составъ двухъ или трехъ гминъ, вслѣдствіе чего управленіе каждой отдѣльной гмины не имѣетъ возможности провѣрить правиль-

ность показаній владѣльцевъ такихъ имѣній. Свѣдѣнія, на основаніи которыхъ производится раскладка казеннаго поземельнаго налога на дворскія земли, гораздо болѣе вѣрны, такъ какъ онъ распредѣляется не по отдѣльнымъ сёламъ и гминамъ, но по отдѣльнымъ имѣніямъ, въ составъ какихъ бы гминъ послѣднія ни входили.

Вслѣдствіе того, что авторъ не воспользовался богатымъ статистическимъ матеріаломъ, представляемымъ данными для раскладки казеннаго поземельнаго налога, въ его „Очерки" не вошли свѣдѣнія о пространствѣ въ различныхъ губерніяхъ и уѣздахъ крестьянскихъ земель каждой изъ тѣхъ 4-хъ категорій ихъ плодородія и доходности, по которымъ производится раскладка этого налога. Авторъ на стр. 15—16 „Очерковъ" приводитъ по всѣмъ губерніямъ и уѣздамъ Царства Польскаго табель окладамъ основнаго поземельнаго налога съ одного морга удобной крестьянской земли по 4-мъ ея разрядамъ, т. е., a) земли огородной и лучшей пахатной подъ посѣвы пшеницы, b) пахатной хорошей и средней почвы подъ посѣвы ржи, c) сѣнокосные луга, d) подъ лѣсомъ, пастбищами и пахатными пашнями самаго низшаго качества. Не приводя самаго пространства земли каждаго изъ этихъ разрядовъ, авторъ, очевидно, лишаетъ этимъ читателя возможности судить, на сколько въ различныхъ мѣстностяхъ крестьяне пользуются сравнительно лучшаго или худшаго качества землями, приносящими различной величины доходъ.

Что касается до свѣдѣній по другимъ вопросамъ, указаннымъ нами, то они частію собираются ежегодно оффиціальною статистикою, какъ напр. о высотѣ заработной платы для ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ губернаторскихъ отчетовъ, о цѣнахъ на хлѣбъ для интендантскаго вѣдомства и то очень неполно, какъ первыя—или совсѣмъ не собираются, какъ напр. о количествѣ колоніально, безъ чрезполосицы устроенныхъ селеній, о числѣ крестьянскаго населенія по различнымъ видамъ ихъ заработковъ. Какъ неполноту свѣдѣній по однимъ, такъ и полный недостатокъ ихъ по другимъ существенно важнымъ вопросамъ для характеристики экономическаго быта крестьянъ, авторъ „Очерковъ" имѣлъ, конечно, возможность пополнить, если, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду, „собраніе матеріаловъ для этихъ „Очерковъ" было предпринято по распоряженію бывшаго Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ покойнаго графа Берга" и затѣмъ продолжалось при „энергической поддержкѣ" нынѣшняго главнаго начальника края, графа Коцебу. Но такое пополненіе потребовало бы, конечно, значительно большаго времени для составленія „Очерковъ" и лишило бы возможности читателей 2-мя—3-мя годами раньше пользоваться и безъ того интереснымъ матеріаломъ, собраннымъ въ нихъ. Авторъ самъ сознаетъ неполноту своего труда и слабыя его стороны, объясняя ихъ новостью дѣла и обѣщая при второмъ изданіи избѣжать ихъ. Въ извиненіе автора кромѣ новости дѣла мы можемъ привести еще другое, существенно важное обстоятельство. Какъ автору „Очерковъ", такъ и всякому, занимающемуся научной обработкой статистики Привислинскаго края, предстоитъ двойной трудъ въ сравненіи съ изслѣдователями какой-либо другой мѣстности Россійской Имперіи. Во всѣхъ губерніяхъ Имперіи есть особые статистическіе комитеты, которые спеціально посвящаютъ себя собранію и разработкѣ сыраго статистическаго матеріала. Таковыхъ комитетовъ въ губерніяхъ Царства Польскаго до сихъ поръ не

имѣется и изслѣдователю мѣстнаго быта если даже удастся отыскать нужный для него сырой статистическій матеріалъ, то приходится самому сводить итоги цифръ, хороше еще, если только по уѣздамъ, а то нерѣдко и по отдѣльнымъ гминамъ и селеніямъ.

Тѣмъ болѣе заслуги со стороны г. Анучина, если при всѣхъ этихъ трудностяхъ онъ съумѣлъ своимъ трудомъ положить солидное начало изслѣдованію экономическаго положенія крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ послѣ достопамятныхъ реформъ 19 февраля 1864 года. Трудъ этотъ важенъ не только для тѣхъ, кто интересуется Привислинскимъ краемъ и успѣхами народнаго благосостоянія, вызванными этими реформами, но и для желающихъ выяснить положеніе крестьянскаго населенія въ остальныхъ провинціяхъ Имперіи путемъ сравнительнаго сопоставленія съ положеніемъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Для многихъ можетъ казаться непонятнымъ, какимъ образомъ крестьянская реформа 1864 года въ этомъ краѣ могла привести къ гораздо болѣе благотворнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ подобная же реформа въ большинствѣ губерній остальной Имперіи, когда величину крестьянскихъ надѣловъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи можно встрѣтить болѣе значительную при равныхъ и даже лучшихъ качествахъ почвы и при отсутствіи или меньшемъ количествѣ безземельнаго крестьянскаго населенія. Но эти писатели не обращаютъ вниманія на то, что съ одной стороны условія выкупа надѣловъ для крестьянъ были несравненно болѣе льготными въ Привислинскомъ краѣ, чѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ Имперіи; а съ другой стороны, что почти одновременно съ крестьянской реформой были произведены въ Царствѣ Польскомъ капитальной важности податныя реформы, возложившія податную тягость на недвижимую собственность, главнымъ образомъ на землю, соотвѣтственно ея естественному плодородію и доходности, какъ это мы видимъ въ основномъ и добавочномъ окладномъ поземельномъ сборѣ со всѣхъ видовъ землевладѣнія, какъ крестьянскаго, такъ помѣщичьяго и даже казеннаго, за исключеніемъ только казенныхъ лѣсовъ. Между тѣмъ въ Россіи податная тягость, въ видѣ подушной подати, лежитъ главнымъ образомъ на лицѣ, безъ отношенія къ его собственности и источникамъ дохода, что дѣлаетъ положеніе крестьянскаго населенія въ Имперіи невыносимо тяжелымъ. Какъ показали недавнія изслѣдованія профессора Янсона, во многихъ губерніяхъ Россіи послѣ 1862 года податные и выкупные платежи, тяготѣющіе на крестьянахъ, превышаютъ весь доходъ, извлекаемый ими изъ своихъ надѣловъ. Ничего подобнаго въ губерніяхъ Царства Польскаго не встрѣчается; здѣсь не только не существуетъ подушной подати, но самые налоги на недвижимую собственность распредѣляются довольно уравнительно между всѣми классами населенія, безъ различія между привиллегированными и непривиллегированными сословіями. Если сравнить податную тягость, приходящуюся въ среднемъ выводѣ на жителя въ Привислинскомъ краѣ и въ остальной Имперіи, то эта тягость будетъ почти одинакова; но важно то, что она распредѣлена далеко неодинаково въ нихъ. Трудъ г. Анучина не указываетъ, на сколько различія въ податныхъ системахъ въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ должны дѣлать положеніе крестьянскаго населенія въ послѣднемъ гораздо болѣе льготнымъ; тѣмъ не менѣе въ немъ читатель можетъ найти общую характеристику главныхъ основаній податной системы въ этомъ краѣ по отно-

шенію къ крестьянамъ съ ссылками на дѣйствующее законодательство, что даетъ каждому возможность самому выяснить эти различія и понять тѣ крайне невыгодныя условія, въ которыя поставлено крестьянское землевладѣніе въ Имперіи въ сравненіи съ губерніями Царства Польскаго.

Г. Симоненко.

(профессоръ варшавскаго университета).

Отдѣльно отпечатано изъ «Сборника Государственныхъ Знаній». Т. VI.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 10 Мая 1878 года.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., д. № 45).

